

Артисты, как вино, улучшаются со временем

Роберто Аланья получил в Москве премию «Слава/Gloria»

– Вас нарекли «наследным принцем тенорового королевства». Это смиренная рубашка, сотканная из традиций и ожиданий окружающих, или просто карт-бланш?

– Всем этим не слишком заняты мои мысли. Может, потому, что я нашел свою принцессу. (Обращается взглядом ко всемирно известной румынской певице Анджеле Георгиу, приехавшей в Москву только в роли супруги.) Я делаю работу, которая мне очень нравится. Это моя страсть, и я пытаюсь доставить публике максимум удовольствия, рождая у нее лучшие чувства.

– Как вы относитесь к проблеме тенорового кризиса – существует ли он на самом деле?

– Не думаю. Сейчас, по моему, правильнее говорить о кризисе меццо-сопрано и басов. А хороших теноров в мире достаточно много.

– По каким правилам вы устраиваете свой репертуар?

– Я знаю, что моему голосу лучше подходят итальянские и, особенно, французские ком-

позиторы. Мне очень нравится русская музыка, и я надеюсь, что когда-нибудь спою что-то из русских композиторов. А правило выбора у меня одно: с первого взгляда, как любовь.

– В таком случае: легко ли вы поддаетесь искушениям?

– Нет... Но нельзя постоянно позволять себе петь только идеально подходящие партии. Меня всегда интригует возможность обнаружить в себе новые технические возможности, новые ощущения. Однако в пении мы не должны использовать такие военные термины, как «риск» и «опасность». Я занимаюсь музыкой, и у меня к ней исключительно любовное отношение.

– Жесткие рамки эксклюзивного контракта с звукозаписывающей фирмой EMI не похищают ли вас с оперной сцены? Сегодня вы поете 35 спектаклей, а раньше было 85 спектаклей в год.

– Нет. Этот контракт, наоборот, дает мне гораздо больше свободы в формировании собственных желаний. Помню, когда я получил и впервые услышал свой первый сольный диск, – плакал. Это было действительно непередаваемое, нереальное ощущение. В детстве я фактически выучился петь по множеству пластинок старых мастеров. А теперь и мой голос записан. Фантастика! А что касается сокращения количества спектаклей – я постарел, наверное, и должен немножко отдохнуть.

– Ваше вхождение в профессию через джаз, кабаре не

С женой Анджелой Георгиу

совсем традиционно. Кроме того, вы поете по десять часов в день.

– Я действительно занимался по-своему – своим способом: когда начинаю петь, то не могу

остановиться. Останавливаюсь только в том случае, если очень устал. Может, тот факт, что я самоучка, и создал какой-то новый стиль пения. Но это элементарное возвращение к простоте и естественности в

восприятии партитуры композитора – что касается в основном французской музыки. А в итальянскую музыку я привнес мою французскую культуру, потому что итальянские певцы поют с большим чувством, с «утрированными» нотами. Я же пытаюсь всегда следовать четко партитуре, придерживаясь не только музыки, но и текста.

– Вы пытаетесь вернуться к аутентизму или создать новую традицию в исполнении французской музыки?

– Нет. Все гораздо проще. Как ни печально, сегодня я одинок в своих возможностях привести что-то новое в исполнение французской оперы, потому что трудно найти тенора, который говорит по-французски и обладает необходимой вокальной техникой. И я чувствую в себе призвание отдать свой голос на службу этому репертуару, который был забыт, а он совершенно замечательный.

– Что нужно сделать, чтоб быть конгениальным замыслу композитора?

– Нельзя сделать ничего. Но необходимо быть предельно открытым с музыкой, с собой и с публикой.

– Вы избегаете сравнений. И все-таки, какое бы сравнение вы выбрали для себя?

– Сравнил бы себя с собой.

– Вы дружны с собой?

– В великолепных отношениях. Но, правда, иногда случаются размолвки. Когда слушаю диск или пою спектакль, то всегда говорю себе, что мог бы это спеть лучше. Каждое

мое выступление задает мне вопросы, на которые я еще не знаю толком ответов.

– Ваша жизнь могла бы послужить поводом к написанию оперы?

– Да, конечно!

– И какого композитора вы выбрали бы?

– Подошла бы смесь из Пуччини, Верди и Берлиоза. И в каждой стране я пел бы на языке этой страны.

– Каким по счету городом стала Москва на вашей гостевой карте?

– Сложно посчитать – практически невозможно. Знаете, почему я стал певцом? Потому что не хотел заниматься счетоводством. В Москву я приехал впервые – вот это точно. Надеюсь, что у нас будет много совместных проектов. Мы (Р. Аланья и А. Георгиу. – М.Б.) уже имеем приглашение от маэстро Валерия Гергиева для совместной работы. У меня всегда складываются очень хорошие отношения с моими русскими коллегами. С ними петь большое удовольствие.

– А какой вы видите единицу измерения своей славы?

– Я даже не знаю, где нахожусь сейчас, на какой ступени творчества и карьеры. Сегодня я не хочу заниматься определением своего места. Когда карьера будет закончена, вот тогда я смогу освоить счетоводство. Артисты, как вино: они улучшаются со временем... А потом их надо выкидывать.

Беседовала

Мария БАБАЛОВА

ДОСЬЕ

Французский тенор сицилийского происхождения Роберто Аланья начал петь с 15 лет, выступая в парижском кабаре «Шлягер». В 1988 году он победил в Филадельфийском конкурсе Лучано Паваротти. Поет в «La Scala», «Covent Garden», «Metropolitan Opera». В 1994 году получил премию Лоуренса Оливье «за выдающиеся артистические достижения в опере». В 1995-м был назван «Артистом года».